

Анатолий Гусев

Мишка Ворог

16+

Анатолий Алексеевич Гусев

Мишка Ворог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66064878

SelfPub; 2021

Аннотация

Середина 18 века. Дворовый человек купцов Филимоновых становится вором-карманником в Москве.

Анатолий Гусев

Мишка Ворог

В маленькую избёнку четы Нехлюдовых, что приютилась возле церкви Николая Чудотворца у Москворецких ворот, зашёл интересный гость. Одет он в сюртук песочного цвета, чисто, не богато, но и не бедно, как коллежский секретарь, хотя таковым, конечно же, не являлся. Лицо у него широкое, глаза хитрые карие, аккуратная ухоженная жиденькая тёмно-русовая бородка, роста он среднего и мужчина довольно-таки крепкий.

Нехлюдовы неделю назад обвенчались. Иван Нехлюдов лейб-гвардии конного полка рейтар, высокий крепкий черноволосый мужчина двадцати пяти лет, жена его, Евдокия Нехлюдова, из фабричных, то есть работница мануфактуры, ей двадцать три года, смуглая, черноволосая с серыми глазами.

Евдокия Никитина дочь Смирнова, когда-то была дворовой девкой дворян Филимоновых, освобождённая ими от крепостной зависимости пять лет назад. Вот из её прошлого, из той дали и пришёл их сегодняшний гость. Звали его Мишка Ворог, и был он известным атаманом мошенников на Москве. Ему девятнадцать лет, но выглядел он старше и сам думал, что ему лет двадцать или даже года двадцать два.

Мишка из мешка вынул шкатулку обитую бархатом, обделанную золотом и драгоценными камнями.

– Это вам подарок на свадьбу.

На удивлённый взгляд Нехлюдова, сказал с усмешкой.

– Молчи лучше, господин рейтар. Я не вор и не тать, но на ту же стать.

Ворог подошёл к Дуне, приобнял её за плечи, поцеловал в щёку, достал из-за пазухи кошелёк и сказал:

– Вот тебе луковица попова, облуплена, готова. Зная почитай, а помру – поминай. Здесь триста рублей серебром.

Кошелёк, мешочек из серого полотна, действительно чем-то похож на очищенную луковицу.

– Миня, – только и смогла пролепетать Дуня.

– Она мне, господин рейтар, как сестра, – пояснил Мишка, – жизнью ей обязан. Рассказывала тебе жена?

– Нет, – сказал Нехлюдов, – но, что тебя знает, сказывала.

– Да я – что? Невелика птица-синица. Аль рассказать умело, как было сие дело?

– Изволь, пожалуйста.

– Так слушай, рейтар. Я тогда года четыре служил у господ Филимоновых. Жила у них (да и сейчас живёт) такая девица Фёкла Якимова. По утрам она кофей варила и господам в постель его подавала. Приближённая к господам она, потому и командовала всеми девками да бабами. Самый главный-то управляющий Гаврила Михайлов, но девица Фёкла тоже командовала. Девице той тогда было годков шестьдесят, а мо-

жет более. Злая – не дай Боже. Оно и понятно, без мужика всю жизнь, замужним бабам завидует. Там вся прислуга из одного села, но мы с Дуней из одной деревни, дома наших родителей рядом стояли, соседями были. Ну, так вот. Дуня замуж собралась за филимоновского конюха. Как его звали? Забыл.

– Серафим, – подсказала Дуня.

– Да. Неделя, что ли до венчания осталась?

– Нет, меньше, – сказала Дуня, – дней пять или шесть.

– Не важно. Миловались Дуня с Фимой в чулане, а их там Фёкла застала. Ну и шум подняла, мол, разврат, Бога не боятся. А конюх-то с досады Фёклу-то малость побил. Ну, тут всё – конюха в солдаты-то и забрили. А я-то уж больно возмущался несправедливостью. Молодой был. Был у меня рубль мелочью, вот я его между Дуней и конюхом поделил. А барин, Гурий Петрович, сказал, что я этот рубль у него украл. Вот меня на конюшне кнутом-то и исполосовали, да к медведю в клетку кинули. Как он меня не заломал – не ведаю, сытый, должно быть, был. А ночью меня Дуня из клетки выпустила, а не выпустила, заломал бы меня медведь. За это ей господа милость сделали: плетью отходили, избу сию подарили да на волю отпустили.

– Да будь она проклята, – в сердцах сказала Дуня, – эта милость барская. Лучше уж ночные горшки выносить, чем шерсть на мануфактуре этой глотать. А Серафима-то убили через два года, да...

– Так в том-то и был подвох-то, что б ты с голоду подохла.

– А вот не подохла.

– И правильно, Дуня, долго живи, Бога не гневи. А ты бы, господин рейтар, подарил бы коробку, какому командиру, пусть бумагу напишет, что служить боле не можешь. На триста рублей деревеньку в три двора купить, чай, можно. Не надо делать из Дуняши «соломенную вдову».

«Соломенными вдовами» называли солдаток, давно не получавшими известий от своих мужей и не знавшие, живы те или нет.

– Подумать можно, – задумчиво произнёс Нехлюдов.

Он и женился на девице Смирновой, потому что узнал об имеющихся у неё ста рублях серебром да избушка эта – приданное-то хорошее, а тут ещё ей подкинули триста рублей да шкатулку.

– Чаю не желаешь, Михайло Павлович? – спросил рейтар.

– Не откажусь, – сказал Мишка.

На самом деле, всё, что он рассказал Нехлюдову, было так да не так. Они с Дуней заранее договорились рассказать, что бы рейтар не очень ревновал, объяснить ему, что она честная девушка, а то, что досталась ему не девицей в анатомическом смысле, так то не её вина, а её беда. Но Дуня не ожидала, что Мишка придёт с такими подарками. Но за Ворогом это водилось: он легко добывал деньги, а потом не знал, что с ними делать. Вот и раздавал их направо и налево, из того, что останется после весёлых попок.

Мишку Павлова, сына Осокина, привезли в услужения господам Филимоновым в десятилетнем возрасте из далёкой рязанской деревни. Четыре года он честно служил, господа его не замечали: ну, бегают мальчонка, и бегают.

А мальчонка вырос не по годам и в свои четырнадцать, выглядел на все восемнадцать. Наверное, сказала хорошая кормёжка в барском доме. И захотелось ему бабу так сильно, что хоть на стенку лезь. Вот он как-то раз и пристал к Дуньке Смирновой. Ей в ту пору уже исполнилось восемнадцать лет, девка-перестарок, а господа замуж её почему-то не отдавали. Долго он к ней присматривался, да и она на него заглядывалась, а тут лето, кровь кипит, решился. Зажал её Мишка в чуланчике и стал шарить жадными руками по её лакомому телу. Дуня резко оттолкнула его:

– Ты что это, Мишка, взбесился? Никак угорел?

– Ничего я не угорел. Бабу хочется, – честно признался Миша.

– Хочется – перехочется.

– Я всё для тебя сделаю, только дай.

– Дай! Кусай! Сначала сделай.

– А что сделать-то?

– Рубль серебряный принеси, тогда посмотрим.

Дуня засмеялась серебряным колокольчиком, оттолкнула паренька и пошла по сеним, покачивая бёдрами. У Мишки аж дыхание перехватило.

Рубль – большие деньги, Дуня на то и рассчитывала, что мальчишки такие деньги взять негде, потому и отстанет.

Мишка задумчивый и растерянный вышел со двора, прошёл закоулками на Ильинку, а по ней на Красную площадь.

Шум, гам стоял на площади: народ продавал, покупал, просто бродил между рядами лавок. Побрёл и Мишка. И что его дёрнуло вытянуть из кармана прохожего носовой платок. А с другой стороны, он так соблазнительно торчал белым уголком из кармана: ну, как не взять? Выдернул, скомкал в руке и положил платок в свой карман и тут же постарался затеряться в толпе. Сердце бешено колотилось, но страха не было. Мишка бесцельно походил между рядов, сердце успокоилось, он пошёл вниз по Васильевскому спуску, под гору, там тоже шёл торг.

Ну, и что делать с этим платком? Здесь, под горою, торг более мелкий без лавок, на ногах. Торговали как с лотков, так и просто с рук. Мишка подошёл к торговке, у которой в левой руке зажаты штук двадцать платков.

– Чего тебе? – недоброжелательно спросила баба.

Мишка показал платок.

– Продаёшь? – полушёпотом спросила торговка.

Мишка кивнул. Торговка молниеносно отобрала у него платок, а в своей ладони он почувствовал маленький кружок.

– Иди отсюда, парень, – сказала торговка, – не хочешь покупать – иди с Богом.

Мишка отошёл подальше, разжал кулак. На одной стороне

монетки изображён двуглавый орёл, на другой написано: алтын. Мишка с тоской подумал, что до рубля ему долго таких монеток собирать. Он опять поднялся на Красную площадь.

Мишка никогда не занимался физической работой, руки у него мягкие, ладони узкие, пальцы длинные живые. У него ловко получилось залезть в чужой карман и вытянуть оттуда платок и несколько монеток. Монеток оказалось пятьдесят одна копейка, платок он живо обменял на алтын и того у него оказалось пятьдесят семь копеек, до рубля осталось набрать совсем немного. Третья кража оказалась неудачной. Попался. Мишку избили и, самое обидное, вывернули карманы и забрали все деньги. Мишка долго плакал у Кремлёвской стены, но слезами горю не поможешь. На четвёртой краже он выдернул шёлковый платок нагло, почти в открытую, показал бывшему обладателю платка язык и скрылся в толпе. Мишка решил, что на сегодня приключений хватит, а платок оставить себе на память, на удачу. В усадьбе Филимоновых управляющий Гаврила отчитал его зато, что он где-то шлялся, Мишка хмуро выслушал его и сказал, что всю работу, какую надо исполнить, он сделает.

Спал Миша в эту ночь плохо, его тянуло туда, на Красную площадь. Утром, быстро переделав все дела в усадьбе, он рванул на торг. Ему повезло сразу, из первого кармана Мишка извлёк рубль двадцать и платок. Платок продал знакомой торговке, в кармане у него звенело один рубль двадцать три копейки, и Мишка решил больше не испытывать

судьбу. Хотел было потратить двадцать копеек с алтыном, да не придумал на что.

В усадьбе он отыскал Дуню и показал ей рубль.

– Ночью могу принести.

Дуня презрительно фыркнула и молча ушла. Миша целый день думал: идти ему ночью к Дуне или не идти. Вечером решил, что идти, если выгонит, то рубль цел будет.

Ночью Мишка тихо, в одних чулках, что бы ни стучать башмаками, пробрался в комнату Дуни. Положил на стол, что б слышала, рубль, разделся и нырнул к ней под одеяло. От волнения перед предстоящим, Мишу такая дрожь пробила, что он еле с собой справился. Опять он накинудся на неё, жадно шарил руками по её телу. Дуня обняла его и прошептала на ушко:

– Да не спеши ты, Мишенька, я же тебе всё разрешаю, будь поласковой.

Когда всё свершилось, и Мишка отвалился от неё, задыхаясь от восторга и от своих действий, восстановив дыхание, спросил:

– А ты, что ж, не девица?

– Ишь, чего за рубль захотел. Нет, Мишенька, до тебя охотники нашлись.

– И кто же?

– Хозяйский сынок, Андрюшка.

Про то, что первым-то был Гурий Петрович, она говорить не стала.

– Как же ты позволила?

– Как тут не позволить? На конюшне заперют до смерти, лучше что ль?

– За что?

– Найдут, за что. Тут хоть порченная, но живая. Не будет у меня, Миня, ни мужа, ни деток, буду как Фёкла.

Дуня зарыдала, отвернувшись к стене. Мишка робко погладил её по голове.

– Не надо мне твои рубли, Миня, по собственной воле с тобой буду, назло всем.

– Нет, уж. Буду приносить, пригодятся.

Мишку тянуло на Красную площадь и под гору больше, чем к телу Дуни. Ему нравилась эта опасная игра, рискованное занятие. То, что от этого занятия страдают невинные люди, Мишка не думал. У него появился небольшой опыт, шарить по карманам он стал осмысленно с оглядкой. Но попадался, не без этого, тогда его били.

Однажды вытащил из кармана платок из бумажной материи, табакерку и сколько-то денег. Схватили его за руку да не за ту, где было ворованное.

– Ах ты, тать! – кричал человек. – По карманам шарить!

Мишка уж хотел бросить добычу, но тут чьи-то руки забрали её у него.

– Да не тать я, – тут же завопил Мишка. – С чего бы мне татьбой заниматься?

Пострадавший осмотрел мальчишку: одет прилично, чи-

сто, в руках ничего.

– Ты кто?

– Дворовый человек.

– А где моя табакерка и платок? И деньги?

– Это я не знаю, – честно сказал Мишка, он действительно не знал, где они.

Мишку отпустили, и он расстроенный побрёл из-под горы наверх, к Красной площади. Его кто-то тронул за рукав, Миша оглянулся. Перед ним стоял парень в белой рубаше, его ровесник и протягивал платок, свёрнутый в узелок.

– Твоё, – улыбнулся парень.

Миша удивлённо поднял брови.

– Твоё, твоё, – уверил его парень. – Ты, видать, брат нашего сукна. Мы давно заметили, как ты пошевеливаешь в карманах, милостыню раздаёшь.

– Что раздаю? – не понял Мишка, принимая узелок.

– Милостыню. Когда у кого крадёшь, то с него грехи снимаешь, на себя вешаешь. Что же это, если не милостыня?

Пойдём к нашим.

– Наши, это кто?

– Мошенники.

Раньше, до Петра I, кошелёк – мошну, носили на поясе и тати, срезавшие мошну, прозывались мошенниками. Царь Пётр ввёл моду на немецкое платье, где имелись карманы, мошну стали хранить там, тем самым усложнив жизнь мошенникам. Только крестьяне из деревень ножи носили на по-

ясе. Мошенники от безысходности срезали ножи. А кому когда было легко? Две копейки, вырученные с ножа, тоже деньги. Но потихоньку приноровились из карманов красть.

В стороне от толпы, стояли два человека: один парень, лет шестнадцати, громадный вырос, а на лицо простоватый, на нём красная рубаха, серые штаны, на ногах чёботы. Другой мужчина двадцати пяти лет с хитрыми бегающими глазками. Одет он был в рубаху синего цвета, поверх неё зипун из серой ткани, синие штаны в полоску, сапоги. В правом сапоге угадывался нож. Мужчина улыбнулся, протянул руку:

– Я – Пашка Океан из беглых матросов, это Тихон Лапа, а привёл тебя Макся Щегол.

Полы зипуна на мгновенье разошлись, и блеснула цепь. «Кистень в левом рукаве», – догадался Мишка.

– А матрос, это ты из тех, что на Преображенке парусное сукно ткут?

– Не, я настоящий, я море видел, Балтийское. Тебя как звать-то, молодец?

– Михайло Павлов сын Осокин.

– Ну, хорошо, Михайло. Что, будешь с нами? Артельно, оно легче будет работать на чёрной работе.

Мишка не понял:

– Что ещё за «чёрная работа» такая?

– Ну, красть, – пояснил Пашка шёпотом.

Мишка осмотрел добычу: сорок четыре копейки, табакерка и платок.

– Давайте я вас чаем угощу за знакомство, – сказал Миша. – Поможете табакерку и платок быстро в деньги обернуть?

– Конечно, – сказал Океан. – Щегол.

Щегол забрал табакерку с платком и исчез в толпе.

– Откуда ты такой взялся? – спросил Пашка Океан. – Хорошо одет. Посадский?

– Нет. Дворовый человек господ Филимоновых.

– А почто за чёрную работу взялся? Что не хватало?

Мишка усмехнулся:

– Сначала не хватало, а потом хватать по нраву.

– Вон оно как.

Вернулся Щегол, принёс два рубля и гривенник.

– Что же почём стоит? – удивился Мишка.

– Табакерка – два рубля, платок – гривенник.

– Гривенник?

– А ты, за сколько отдавал? – спросил Океан.

– За алтын.

– Кому?

– Да вон там стоит в синем платке.

– А... Натаха с Вшивой горки. Ох и жадная. Такой платок новый стоит восемьдесят копеек. За восемьдесят их, конечно, не продают, копеек за тридцать. Гривенник хорошая цена, а алтын это уж грабёж. А табакерка, чтоб ты знал, новая стоит рублей пятнадцать или чуть более. Только она серебряная и её нельзя продавать нигде, кроме как в серебряном

ряду, а там не возьмут. Потому и два рубля всего. Ну, пойдём в кабак, чаем угостишь, если не передумал.

Сахар в чае размешали ложечками и оставили их в стаканах, что бы все видели: с сахаром чай пьют.

– Почему ты Океан? – поинтересовался Мишка.

– Тебя не интересно: почему этот Лапа, а этот Щегол?

– Тут всё ясно. У Тихона не рука, а лапа, а сам он как медвежонок. А Щегол весёлый и подвижный. А почему ты Океан?

– Ты знаешь, что такое Океан?

– Знаю. Это большое море.

– А море? – не унимался Пашка.

Мишка замялся:

– Ну, море, это море. Вода там другая, бури.

– Вода там солёная, её пить нельзя. В бурю страшно, волны большие по морю ходят. А в океане волны больше кремлёвской стены. Нашей царице взбрело в голову узнать: не соединяется ли наша земля с какой-то там Америкой. И послала на океан людей, а капитан у них немец, Берег его прозвище. Нет, не так. Беринг. И меня к ним затесали. А я что, дурак на этот океан тащиться? Мне нет дела: соединяется земля наша с Америкой или нет. А с волнами такими не шутят, запросто потонешь. Вот я и сбежал от них в Казани. Сюда пришёл. А кличка прилипла здесь сама по себе, не знаю и как.

Узнал Мишка и про всех остальных. Тихон Лапа сын сол-

дата Семёновского полка, отец умер, они с матерью нищенствовали. Тихон вырос богатырём, подавать перестали и он подался в грабители, обирал пьяных возле кабаков, а потом пристал к Океану и Щеглу. У Щегла всё просто, он сын рабочих с Суконного двора, что в Замоскворечье, почти напротив Большого Каменного моста. Макся не захотел дышать пылью всю жизнь и подался в мошенники под Большой Каменный мост. Родителей не забывал, деньги им приносил.

Мошенники летом жили под Большим Каменным мостом. Когда холодало, шатались по притонам и где-то в одном из оврагов у них вырыта землянка, но в ней они ночевали редко, больно далеко до ночлега топтать, если только больным или сильно избитым там отлежаться.

День у Мишки прошёл интересно и последующие дни тоже. Красть из карманов стало безопасней. Мишка шарил по карманам, добычу тут же отдавал Щеглу, а если за ним гнались, то натыкались на Лапу. Океан опытным глазом определял жертву.

Однажды решили на Петров пост стянуть что-нибудь с повозок. Из деревень много людей приезжало.

Лапа отвлекал разговорами возницу. Как только воз въехал на наплавной Москворецкий мост, Океан острым ножом разрезал верёвку, стягивающую груз и сразу исчез в толпе. Щегол вытащил с воза мешок с хлебом печёным и передал его Мишке, а сам ещё взял мешок, как потом оказалось, с овсом. Добыча богатая, всё это продав, решили отметить удачу

и праздник Петра и Павла в кружале красным вином.

Погуляли хорошо. Мишка пришёл в усадьбу Филимоновых изрядно навеселе и сразу попёрся к Дуньке. Дунька спросонья ничего не поняла, заверещала, Мишка что-то в ответ невнятно бормотал. Поднялся шум. Прибежала Фёкла. Она застала Мишку со спущенными портками, он задрал подол дунькиной рубашки и пытался поставить её на четвереньки.

– Ты что делаешь, охальник? – всплеснула руками Фёкла.

Тут появились Гаврила Михайлов и сам хозяин Гурий Петрович.

– А что такое? – кричал пьяный Мишка, подтягивая штаны. – Может, я женюсь на ней! И срам её прикрою, что ваш сынок с ней сотворил.

– Что?! – взревел Гурий Петрович. – Какой сынок?

– Андрюшка ваш, кто же ещё?

– Что? Гаврила, этого в сарай под замок, пусть проспится. Фёкла, давай Андрея сюда. А ты, девка, рассказывай, да всю правду, а то на конюшне запорю.

Мишка проснулся от того, что шарили в его карманах.

– Два рубля, – сказал конюх Еремей и протянул хозяину два серебряных кружочка.

– Точно, он, – сказал Гурий Петрович, беря деньги. – На конюшню его, пусть сказывает, куда остальные дел.

– Он вчера пил на что-то, барин, – сказал, стоявший рядом с хозяином, Гаврила.

– Не мог же он за раз четыре рубля пропить? Доложишь, Гаврила.

Мишка выл под ударами плетей, но ни как не мог понять, что от него хотят.

– Молчит, – доложил Гаврила.

– С медведем его заприте, – сказал Гурий Петрович, – может быть, разговорчивей станет.

Во дворе усадьбы стояла огромная клетка с медведем. Медведя иногда сажали на цепь у столба, когда к хозяину приезжали гости. Зверь рычал, махал лапами, пугал гостей, его нарочно держали впроголодь, что бы злее был.

Мишка и медведь появились в усадьбе Филимоновых почти одновременно. Мишку привезли осенью, а медведя, тогда ещё медвежонка – зимой. Мальчик очень жалел товарища по несчастью и старался подкармливать его как можно чаще.

Дворовые внесли Мишку в клетку, положили на пол и оставили его там, закрыв дверь на щеколду, навесили замок.

Медведь понюхал воздух, сверкнул подслеповатыми глазами, подошёл к парню и лизнул его.

– Ой, нет ничего, Потапыч, – отмахнулся Мишка, – сам голодный и пить хочется.

Парень заметил в клетке плошку с водой, подполз к ней и выпил всю. Лежать он мог только на животе, медведь ему не мешал.

Ближе к вечеру пришла Дуня, принесла воды в кринке и

еду. Мишка честно поделился с медведем.

– Что же ты натворил, Мишенька? – запричитала Дуня. – Зачем ты ко мне полез? Проспался, тогда бы и пришёл.

– Выпивши был, – виновато сказал Миша, – а ты могла бы и не орать.

– Да как же не орать, когда ты навалился? Спросонок разве поймёшь?

– За что меня били? Какие деньги?

– Шесть рублей из сундука у барина пропали, говорят, что ты украл. У тебя два рубля нашли. Откуда у тебя такие деньги?

– Оттуда. Когда я тебе рубли приносил, ты никогда не спрашивала: откуда деньги? Волк у своего логова овец не режет.

– Ты не волк, ты ещё волчонок, Миня. А у нас ещё вона, какие страсти. Знаешь сухой колодец между нашим забором и забором Скавронских?

– Знаю.

– Дворня говорит, что там мёртвый солдат лежит, – Дуня перекрестилась. – Страсть-то какая.

– Как он там оказался?

– Кто же его знает?

– А барин чего говорит?

– Ничего, барин ещё не знает. Не до этого ему. Завтра он хочет тебя в Сыскной приказ доставить, если тебя медведь не заломает.

– Не заламает, я его четыре года подкармливаю. Да, Потапыч?

Медведь проворчал что-то в ответ.

– Удивил, – сказала Дуня. – Об этом все знают, кроме бар. Они проболтали ещё немного и Дуня ушла. А ночью пришла шайка мошенников во главе с Океаном.

– Как сидится в холодной бане? О, ещё с приятелем.

– Почему холодная баня?

– А что она горячая? Так братья нашего сукна застенки зовут.

– Как вы меня нашли?

– Что на Москве много господ Филимоновых? Надолго застрял?

– Завтра в Сыскной приказ поведут. Говорят, что я шесть рублей денег у него из сундука украл.

– А ты у барина денег не крадёшь?

– Нет.

– Почему? Что случилось?

– Если хочешь знать, то волк у своего логова овец не режет!

– Да? А ты волк? Вот в Стукаловом монастыре шкуру сдерут с волка этого, во всём признаешься.

– Где с меня шкуру сдерут? Какой ещё монастырь.

– Ну, в Сыском приказе. Тут надо что-то придумать. А ты крикни: «Слово и дело».

– Ну, крикну и что скажу?

– Придумай что-нибудь. Твой барин из купцов в дворяне выбился и до сих пор торговлю ведёт. Неужели за ним ничего нет?

– Он честно торгует.

– Так не бывает. Торговля и обман рядом идут.

– Бывает, – вздохнул Мишка и тут его осенило. – А, вот!

Мне тут сказали, что здесь между нашим забором и забором Скавронских в сухом колодце, мёртвый солдат лежит. Земля-то эта – Филимоновых.

– И сейчас лежит? – спросил Океан.

– Откуда мне знать? Я же здесь сижу.

– Щегол, Лапа, сбегайте, посмотрите, – приказал Океан.

– Что они там увидят, ночью-то? – забеспокоился Мишка.

– У меня огниво имеется, – сказал Щегол, – щепку какую-нибудь подожгу.

Мошенники ушли.

– Слышь, Океан, вон под тем углом клетки кубышка зарыта с рублями. Забери. Мне-то уж не нать, а вам её взять.

Океан ножом выкопал кубышку – стеклянную флякон с широким горлом, высыпал на ладонь рубли.

– Считай, – сказал он Мишке, – сколь здесь, столь и назад верну.

Деньги он высыпал в карман, флякон зарыл опять в землю.

– Не горюй, Мишаня, может, пронесёт.

Вернулись Щегол с Лапой.

– Лежит, – доложил Щегол, – Семёновского полка, долж-

но быть.

– Точно Семёновского, – пробасил Лапа. – У моего тяти такой же мундир был.

– Ну, а ты горюешь, – обрадовался Океан, – завтра непременно кричи «Слово и дело». Солдат – человек государев, за него строго спросят. Как лежит?

– Головой вниз, – ответил Щегол.

– Головой вниз. Запомни, Мишка.

На Москворецкую улицу в Сыскной приказ Мишку привёл Гаврила Михайлов. Мишка так громко рывкнул «Слово и дело», что писарь перо из рук выронил.

– Что ты так орёшь? – спросил капитан Псарёв. – Что случилось? Говори, но учти, доносчику – первая плеть.

– В колодце, между заборами Скавронских и Филимоновых солдат мёртвый лежит.

– Откуда знаешь? – спросил капитан.

– Шёл с гулянки, хотел воды напиться, а там такое. Ноги торчат...

– Врёшь, – сказал Гаврила, – ты знал, Мишка, что колодец сухой.

– Постой, – сказал судья действительный статский князь Козловский, – на чьей земле колодец?

– На земле господ Филимоновых, – несколько растерянно ответил Гаврила.

– А что ещё знаешь, молодец? – спросил князь Мишку.

– Да ничего. Было вроде чего-то такое, должен вроде как какой-то солдат был. Но точно не знаю, вы о том моего хозяина спросите.

– Спросим, – пообещал князь. – Как он лежал? Какого полка?

– Лежал головой вниз. А полка? Смеркалось уже. Вроде Семёновского, но я плохо разбираюсь.

Послали секретаря и сыщика, узнать – всё ли верно. Всё подтвердилось.

В усадьбу к господам Филимоновым князь Козловский послал команду солдат во главе с капитаном Псарёвым, сыщика и секретаря, а с ними Мишку в кандалах.

У ворот усадьбы прямо на земле, на травке сидело трое бродяг играли в карты. Мишка сделал вид, что их не знает, они тоже.

Команда вошла во двор и секретарь крикнул:

– Слово и дело государево. Дворянин Гурий Петрович Филимонов.

Гурий Петрович вышел на крыльцо:

– В чём дело, господа?

Секретарь торжественно произнёс:

– Вы, господин Филимонов, обвиняетесь в убийстве солдата Семёновского полка, Касьяна Петрова сына Мартынова.

– Я такого не знаю, – сказал Гурий Петрович.

– Разберёмся, – заверил его секретарь.

Все прекрасно знали и понимали, что в Сыском прика-

зе во время пыток узнаешь, кого угодно и сознаешься в чём угодно. Заплакала навзрыд жена Гурия Петровича, сыновья его Дмитрий и Андрей стояли понурые, дочь Дарья закричала жалобно:

– Тятенька, тятенька!

Гурий Петрович не знал, что сказать, как успокоить родных, оглянулся по сторонам и заметил Мишку.

– Ты, ты, своего господина! Ты – Иуда, чёрт, дьявол, ворог рода человеческого, предатель! За мой хлеб и соль.

Мишка в презрительной улыбке кривил рот:

– За твои плети, барин. Око за око. Оболгал меня, невинного.

На Гурия Петровича надели кандалы. Кандалников увели.

В доме Филимоновых царило уныние. Марья Васильевна и Дарья Гурьевна горько плакала, мужчины сидели хмурые.

– Ну, что сидеть? – сказала девица Фёкла. – Митя, иди, дай там, кому надо пять рублей, пусть отпустят барина.

– Нет, – сказал Гаврила, – пять рублей тут не обойдётся. Бери, Митя, пятьдесят.

– Сто бери, Митя, – сказала Марья Васильевна, – не жалея денег, выручай отца.

Дмитрий решительно встал, зло глянул на брата:

– Всё из-за тебя, Андрюшка.

– Я-то тут при чём?

Дмитрий ушёл.

Из ворот Сыскнова приказа вышли сразу трое: Гурий Петрович с сыном Дмитрием и Мишка.

Гурий Петрович с ненавистью посмотрел на своего бывшего дворового человека и произнёс:

– Иуда, ворог Господа.

Мишка ответил всё той же презрительной улыбкой.

К нему подошёл Океан, Щегол и Лапа:

– Ну что, Ворог? – сказал Океан. – Отпустили?

Мишка показал бумагу – «для житья вольным письмом».

– Вот так вот. Теперь я вольный. Митька дал сто рублей судье. Барин написал мне вольную. Я «слово и дело» как бы не кричал.

– Ну, что Мишка Ворог, пойдём под мост, надо это отметить.

– Пойдём, – согласился Мишка. – Деньги мои где?

– Обижаешь, у меня, ясный пень. Испортил тебя Стукалов монастырь. Подозрительный стал.

– А как они легко деньги добывают. Легче чем мы.

– Да наплевать. Теперь, Ворог, твоё логово далеко будет от усадьбы Филимоновых. Знаешь, где чего там лежит?

– Как не знать?

– Проведаем?

– Проведаем, – с угрозой сказал Мишка.

09.07.2021 г.